

СКОРЕЕ ИМЕТЬ ЦЕРКОВЬ

Началось с того, что 17 декабря 1842 года главный начальник Горных заводов Уральско-го хребта, генерал-лейтенант В.А. Глинка получил от горного начальника Богословских горных заводов, полковника Протасова рапорт, гласивший: *«Жители Турьинских Рудников, в особенности мастеровые и служащие, в христианском прискорбии о неимении в продолжении такого долгаго времени (12 лет) новаго храма Божия, вместо сгоревшего, предъявили по приглашению духовенства единодушное общее желание иметь приходскую церковь и в устройении ее вспоможенствовать казне усиленно на свой счет, и о том просили подлежащего ходатайства. Народными приговорами положили пожертвовать по 5-ти процентов с рубля из жалованья для сего в течении 5 лет не взирая на свою особенную бедность и невыгодность быта пред всеми прочими местами населенности. Жертвование сие, в следствие таковой общей народной благочестивой ревности к Вере Божией, уже начато, пока производились необходимые соображения, составление и ревизия сметы и плана на возведение желаемой церкви».*

Из рапорта следовало, что построенная в 1787 году в Турьинских Рудниках церковь сгорела в 1829-м. С этого времени жители *«имели для слушания богослужения только малое старое здание, обращенное по необходимости в молитвенный дом, а для совершения брака вынуждены были ездить в Богословский Завод»* (ныне Карпинск). К 1834 году *«пожертвованиями своими»* возвели небольшую деревянную кладбищенскую церковь. В 1839 году горное ведомство построило *«на время для молитвенного дома небольшое новое здание с целью обратить его в Горную школу, по чрезвычайной ветхости прежняго молитвенного дома и Горнаго училища»*. Кладбищенская церковь вмещала всего 400 человек, и *«особенное затруднение представляется ежегодно в великий пост при причащении Святым Тайнам Христовым очень многого числа людей»*. Кроме того, Протасов бил тревогу по поводу того, что *«от постоянной ссылки преступных и порочных людей с других горных заводов и мест команда здешних заводов действительно потерпела значительное общее разслабление в нравственности»* и считал необходимым *«скорее иметь церковь для представления всей возможности молодому поколению и людям несовершенно закосневшим в преступлениях пользоваться слушанием полного надлежащего богослужения в предотвращение дальнейшего развращения народа»*.

Протасов ходатайствовал *«церковь построить на счет казны, каменную однопрестольную во имя Св. Максима Исповедника (как была сгоревшая), на том же месте, наилучшем в селении рудников, вместимостью 800 человек»*.

В числе прочей документации к рапорту прилагался проект, разработанный архитектором Гороблагодатских и Богословских заводов Делюсто *«по образцу Высочайше утвер-*

жденных церквей в Византийском стиле», одобренный благочинным Богословского горного округа, протоиереем Луканиным. Сметная стоимость строительства церкви составила 21920 руб. 68 5/7 коп. серебром (или 76722 руб. 401/2 коп. ассигнациями). «Церковные принадлежности и украшения» предполагалось «исполнить на счет изъявленного добродетельного пожертвования из жалованья мастеровых и служащих».

Проект был утвержден Пермской губернской строительной комиссией, Пермским гражданским губернатором и архиепископом Пермским и Верхотурским Аркадием. 9 марта 1843 года архиепископ Аркадий обратился к В.А. Глинке с просьбой оказать содействие «к скорейшему окончанию... дела» о разрешении постройки в Турьинских Рудниках каменной церкви «на счет казны».

Но не так все быстро делается. Смета попала на «обревизование» управляющему счетным отделением, архитектору Турскому и контролеру Уральского горного правления, которые, исправив смету, получили сумму в 19206 руб. 89 6/7 коп. серебром. «По строгому рассмотрении и точнейшей опровержке» 2 июля Протасов представил новую смету на 23778 руб. 47 коп. серебром. Вновь «обревизованная» Уральским горным правлением, смета имела итог в 21744 руб. 50 коп. серебром.

Протасов предлагал финансировать строительство церкви из «будущих остатков от сумм заводских», но Глинка, полагая, что «неизвестно еще будут ли эти остатки и сколько их будет, а главное, зная из многих опытов, что подобные переводы из одних сумм в другие влекут за собою одну запутанность в отчетах», предложил Министерству финансов «ассигновать прямо». Об этом 4 января 1844 года и распорядился министр финансов, генерал от инфантерии, граф Канкрин, распределив 21744 руб. 50 коп. по годам: 1844 - 5000 руб., 1845 - 10000 и 1846 - 6744 руб. 50 коп.

10 июля В.А. Глинка получил «представление» о том, что к постройке церкви «приступлено» с 27 июня 1844 года.

24 сентября 1845 года Турьинские Рудники посетил герцог Максимилиан Лейхтенбергский. Его Императорское Высочество, «не найдя там церкви, кроме сделанной забутки для фундамента, соизволил повелеть: ускорить сколь возможно возведение сего храма».

В ходе разбирательства В.А. Глинки в том, что «препятствует успеху построения означенной церкви» выяснилось: уже три раза в Богословском горном округе проводились торги, объявленные горным начальством, но на них являлись крестьяне Ярославской и Владимирской губерний, «не имея требующихся по закону в обеспечение казны ни залогов, ни заложенств от своих помещиков» и не могли быть допущены «в означенную весьма ценную и важную работу». Весь 1846 год прошел в переписке о привлечении подрядчиков между горным начальником Богословских заводов Грасгофом, помощником горного начальника Москвиным, горным начальником Екатеринбургских заводов Ахматовым, «исправляющим

должность» главного начальника Горных заводов Уральского хребта Злобиным о привлечении подрядчиков и проведению торгов *«к принятию работ по постройке церкви»*. Наконец, в марте 1847 года в присутствии всесильного Глинки состоялись торги, в которых участвовали екатеринбургский купец С. Яковлев, екатеринбургский мещанин Г. Алексеев и екатеринбургский же непереманный работник П. Токарев. В результате постройку церкви *«за двадцать тысяч руб. ассигнациями взять на себя согласен»* оказался купец 3-й гильдии Сергей Яковлевич Яковлев, *«прочия бывшие на торгах лица отказались от подряда»*. Но из дальнейших документов выясняется, что Яковлев не сам занимался строительством церкви, а строил ее *«по особо заключенному обязательству»* крестьянин села Вершилова Балахнинского уезда Нижнегородской губернии, крепостной графов А.Д. и В.Д. Блудовых Никандр Степанович Трухин.

Пока шли поиски подрядчика, горный начальник Богословских заводов, *«находя строящуюся церковь слишком тесною для 8000 жителей»*, в декабре 1846 года направил в Уральское горное правление, составленные архитектором Шиловым, новые проект и смету (на 95596 руб. 81/2 коп. серебром!) строительства церкви, *«вмещающей до 1700 прихожан»*. Но вернувшийся из Петербурга Глинка, признав *«проекты неудобными к исполнению, по огромности сумм, которые потребовались бы на сооружение церкви в таком виде, как предполагает полковник Грасгоф»* 27 января прекратил делопроизводство по этому вопросу.

В Петербурге Глинка 12 декабря 1846 года *«заключил условие»* со *«свободным художником»* Императорской академии художеств А.М. Максимовым и архитектором Правления 1-го округа Министерства путей сообщения Г.П. Пономаревым изготовить, *«как в отношении изящества соответ-ственного назначению, так и прочности, иконостас, по рисунку, утвержденному его превосходительством»*.

Каменщики *«екатеринбургского купца Яковлева к постройке церкви в селении Турьинских рудников явились»* 28 мая 1847 года, но так как *«при производстве столь значительного капитального сооружения необходимо если не безотлучное, то по крайней мере частое наблюдение архитектора»*, то начало работ затянулось до прибытия Шилова, который только 13 мая выехал из Гороблагодатского горного округа.

Петербургские мастера, *«удостоверившись» «от кого-то из горных инженеров с Урала, что церковь на Турьинских рудниках далека еще от окончания»*, тоже не спешили. Архитектор Министерства государственных имуществ И. Связев, по просьбе В.А. Глинки подключившийся к делу, в марте 1848 года писал, что *«образа совершенно почти готовы, но самый иконостас попал в руки неисправного мастера, вызывающего, кажется, на посредство полиции»*.

Глинка обратился к генерал-лейтенанту Д.П. Полозову, в доме которого проживал Связев, с просьбой *«обратить этого мастера к его долгу»*. Выяснилось, что *«рецик»* Вла-

димиров, обязавшийся сделать иконостас, *«уехал в Новгород для выполнения другого подряда»*, а Максимов и Пономарев не заключили с ним *«формального условия»*. К сентябрю с ним был *«сделан»* контракт, по которому *«он обязался окончить иконостас к будущей зиме; иначе заплатит за неустойку»*. 3 декабря Глинка согласился отсрочить изготовление иконостаса еще на год, т.е. до декабря 1849 года.

Но и 3 декабря 1849 года Свиязев писал, что иконостас *«все еще не окончен, т.е. не вызолочен»* и оправдывался: *«...я всегда был против бедных подрядчиков, которые, взяв дешево, не в состоянии бывают выполнять своей обязанности. В заказе иконостаса хорошим, хотя и бедным художникам я надеялся, что буду иметь дело не с бородачами, но с честными и благородными людьми, и вовсе упустил из виду, что они столярную и резную работу должны уже передать бородачу, который всех нас поставил в затруднительное положение»*. Далее Свиязев предлагал или отправить иконостас как есть, без позолоты, или же подождать до будущего лета и в *«в дополнение крайне дешевой цены, взятой художниками»* прибавить им 300 рублей серебром, что *«ускорило б дело лучше всех полицейских мер»*. В ответе на запрос Глинки горный начальник Богословских заводов, подполковник Б.И. Кениг, признавая, что художники *«подрядились очень дешево»*, предлагал выплатить нужную сумму из денег, собранных прихожанами для *«украшения строящейся церкви»*. Тем более, что и отправлять незаконченный иконостас *«нет еще необходимости по не окончании клажи церкви»*.

В ноябре 1850 года генерал-лейтенант В.А. Глинка, лично осмотрев в Петербурге готовый иконостас, поручил доставку его на Богословские заводы *«главному смотрителю казенных металлических караванов 1850 года, титулярному советнику»* Степанову 2-му. А.М. Максимова *«сверх рядной платы»* было выплачено 100 рублей серебром *«за постановку иконостаса для осмотра, за дополнительную сверх условия резбу и за особо тщательную укупорку вещей»*. Также Глинка заказал ему написать для Максимовской церкви запрестольный образ Распятия Иисуса Христа.

18 декабря 1850 года Степанов 2-й доносил Глинке: *«Иконостас уложен в пять деревянных ящиков частями или связками во всю величину свою; каждая часть лежит на распорках, прикрепленных к стенкам ящиков, ящики с внешней стороны обложены по бокам кошмой и по углам веревочными цыновками, для ослабления силы ударов при раскатах дороги; обшиты кругом рогожами и сверху клеянкой... Иконостас дней 10 как уложен на воза, но отправить его было невозможно, потому что не было-никакой дороги, ни зимней, ни летней; сего дня, однако ж, воцит решились отправиться с транспортом, вынужденные напрасными расходами на содержание себя и лошадей»*.

29 марта 1851 года подполковник Кениг выдал Степанову 2-му квитанцию, свидетельствующую о том, что *«иконостас и иконы, для церкви Турьинских рудников, им на заводы*

доставлены совершенно исправно».

Из рапорта Кенига от 13 января 1853 года видно, что к этому сроку Н.С. Трухин *«исполнил постройкою»* и дело дошло *«до освидетельствования и сдачи построенной им церкви»*.

В апреле 1854 года главный смотритель Уральских казенных металлических караванов Севастьянов согласно предписания В. А. Глинки (уже генерала от артиллерии) получил в Петербурге у художника Максимова написанный им запрестольный образ и с караванными чиновниками Мироновым и Падериным отправил в Турьинские Рудники.

Еще 25 июля 1853 года *«исправляющий должность»* горного начальника Богословских заводов, подполковник Газберг направил в адрес Глинки рапорт, прилагая планы, смету и пояснительную записку. Из пояснительной записки следует: *«Святой Храм в летнее время нередко бывает окружен всякаго рода скотом, который за стенами онаго укрывается от оводу и зноя солнечнаго. Во избежание подобных случаев на будущее время местным Управлением и всеми прихожанами Церкви во имя Св. Максима Исповедника, на ихнюю собственную пожертвованную сумму денег, признано необходимым построить кругом Церкви каменную ограду с чугунными решетками»*. Документация была направлена на *«обревизование»* в Строительный комитет Уральского горного правления, члены которого (в числе их уже знакомый нам архитектор Турский) несколько (на 18 руб. 29 1/2 коп.) исправили сметную стоимость. Строительство ограды благословил архиепископ Пермский и Верхотурский Неофит.

14 апреля 1855 года на имя Глинки поступил новый рапорт (с приложением дополнительной сметы) подполковника Газберга, гласивший: *«Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству, что прихожане вновь выстроенного в Турьинских Рудниках Храма во имя Св. Максима Исповедника желают, чтобы ограда при том Храме была выстроена с чугунными столбами, вместо кирпичных положенных по смете прежде...»* Вновь *«обревизованная»* Строительным комитетом смета, с рекомендациями *«решетку и столбики со всеми украшениями»* отлить на Кушвинском или Верхнетуринском заводах, уже 16 мая легла Глинке на стол, а 28 мая Газбергу было направлено предписание: *«возвращая к Вам этот проект, разрешаю исполнить оный»*.

Ю. ГУНГЕР, Г. САРАФАНОВА,

старшие научные сотрудники

Краснотурьинского краеведческого музея.

Гунгер, Ю. «Скорее иметь церковь» : [переписка горного начальства о строительстве Максимовской церкви в поселке Турьинские Рудники (по документам XVI-XX вв., хра-

нящимся в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО)] / Ю. Гунгер, Г. Сарафанова // Аллюминщик. – 2004. – 19 марта (№ 12). – С. 6-7 : ил. – (Серебряный меридиан ; № 62).